МЕРА ВЕЩЕЙ

Экран и сцена. — 1993 — 23-30 дек (№ 51) — с. 6

НА УЛИЦАХ — грязь. На улицах — лед. Но жажда красоты бессмертна. Красота в грязи, роскошь в нищете — как будто подглядываешь в замочную скважину. В Доме кино собрал свою публику Роман Виктюк. В буклете говорилось, что Театр Виктюка бедствует и нуждается в финансовой помощи.

Сказано не без околичностей. Я ждала театрального капустника — артисты поиронизируют над собой и самым модным театром города, который вынужден ходить с протянутой рукой по белу свету, чтобы наскрести на зарплату актерам и на следующие постановки. Со сцены об этом не было произнесено ни слова.

Роман Григорьевич в зеленом бархатном пиджаке и пестром галстуке публично рассуждал о Боге, как он это делал уже не раз по телевидению, радио и в газетах. Даже с Андреем Карауловым в «Моменте (той еще!) истины» поговорил о божественном, лучше бы вспомнил «Блажен муж иже не иде в собрание нечестивых». Или простое и вечное: «Имя Господа всуе не поминай». Иначе возникает отчетливое желание отослать театр к Господу Богу за финансовой помощью.

Короли и капустник

Велеречивый Виктюк говорил о боге Шиве — боге разрушения, вершащем ныне свой грандиозный танец. О том, что режиссера интересует красота и бесконечность зла. О том, что главным должен стать культ юноши, ребячества, прекрасного тела. Затем он предоставил слово актерам — они разыгрывали сцены из спектаклей Виктюка. Перенесенные в огромный зал Дома кино, вынутые из контекста, они воспринимались студенческими этюдами или мужским стриптизом. Убойную силу зрелища довершал обшарпанный, некогда белый, станок из «Служанок». Я вспомнила, как Анатолий Шубин — главный художник Екатеринбургского ТЮЗа, сам закрашивал пообтрепавшиеся в дороге белые воротца для крокета. Тут уж не попеняешь на отсутствие денег и разруху — сделай сам.

Кроме Бога и красоты, в шоу оказалась вовлечена идеология. Сначала — в тексте Виктюка. Потом — в выполнении некоторых заданий. Виктюк просит артиста сыграть Мадам, оставаясь при этом служанкой. Тот сперва каррикатурно подражает С. Виноградову, а затем плавно переходит на мужицкую плясовую. Так сказать, советская власть пошла вприсядку. Сколько раз я уже это видела! И зачем нарушать правила игры? Приглашали ведь не на политическую дискуссию, да и к чему вкрапления мастер-класса в спектакль-концерт? Зрелище походило на старую намазанную проститутку, хватающую за лацканы потенциальных клиентов.

Смешно, что при ближайшем рассмотрении главными потребителями искусства Виктюка оказываются женщины. Видели бы вы, в каких конвульсиях они бились на премьере «Рогатки». Как наваливались на Сергея Маковецкого. Загадочно: гомосексуальная тематика, нормальные, смею надеяться, мужчины, играющие гомосексуалистов, и женщины, стонущие ото всего этого в оргазме. Реакция поклонниц сродни реакции посетителей рок-концертов. Они ведут себя как девочки-малолетки при виде Джексона. Никогда прежде на драматических спектаклях я не встречалась с подобным. Может быть, спектакли Виктюка и не есть драматические в строгом значении слова? Может быть, это и есть некий концертный вариант драматического искусства, эстрадизированный спектакль? Может быть, именно этим объясняется невероятная популярность Театра Романа Виктюка?

Спустя некоторое время я снова оказалась в Доме кино. Опять велели приходить в вечерних костюмах. Два шага, и вместо улицы, напоминающей то ли болото, то ли каток, вы оказываетесь в фойе, залитом только что не солнечным светом. Играет оркестр. Мужчины в смокингах, дамы — в черном и длинном. Все знаю, какие мы бедные, но по церемонии Ники об этом не догадаешься. Лазеры, фейерверк огней, зачем-то электронное табло (зал не так огромен, чтобы происходящее на сцене нуждалось в увеличении). К участию в шоу привлечены хореографические коллективы, эстрадные ансамбли, знатные фельетонисты и красивые артистки. Грандиозность шоу напоминает о правительственных концертах времен «большого стиля». Но с поправкой на новую конъюнктуру. Вместо народных ансамблей — отечественный Фридрих Штадт Палас, вместо Людмилы Зыкиной — Юрий Шевчук, вместо оперных басов — Алексей Козлов на саксе. Едва ли не чаще слова «Ника» звучит фамилия Жириновский. Сатирики изощряются в анекдотах об ЛДП — так по аналогии с ЛТП — они сокращают название Либерально-демократической партии. Снова нарушены все правила игры. Я уже не говорю о том, что каждая третья зарифмованная шутка подразумевает матерное слово, и заменяется в последний момент чем-нибудь невинным. Господа, имеет ли смысл шутить так, как шутят в пивной, при этом нарядившись во фрак?

Старые формы поизносились, новых не найдено. Все старательно подражают Западу, забывая, что копия не может быть ярче оригинала. Единственное светлое пятно — не по форме одетый, в джинсовом костюме, Юрий Шевчук. Он вручил награду лучшему звукооператору и остался на сцене. Спел трагическую «октябрьскую» песню. Был едва ли не единственным — рефлексирующим, страдающим и интеллигентным человеком во всем прочем бомонде.

Театральная и кино-общественность испытывает себя на эстраде. Рок-музыканты, видимо, остаются последним оплотом в борьбе с уродливым отечественным суррогатом. «Лишь сердце, ставшее эстрадой, побойся любящим назвать» — так много лет назад написал мой друг поэт Вадим Трухачев. Впрочем, другой друг моей юности — Михаил Марфин — автор сценария церемонии Ники.

Марина ТИМАШЕВА.